

А. В. Репринцев

<https://orcid.org/0000-0002-2844-9286>**Труд в системе факторов этнокультурной социализации современной молодежи:
диалектика социального и индивидуального**

В традиционной русской культуре на протяжении многих веков труд и трудовая деятельность выступали важнейшим фактором социализации детей и молодежи, освоения норм и ценностей общественной морали, формирования системы социальных отношений человека с внешним миром. Естественность социализации через труд обеспечивала формирование широкого спектра социальных качеств русского человека, их диалектическую сопряженность с индивидуально ценным в личности. Еще со времен К. Д. Ушинского труд рассматривался как важнейший фактор и эффективное средство социализации личности, достижения диалектического баланса социального и индивидуального в человеке. Через совместный труд воспитанник закономерно приходит к осознанию важнейших нравственных норм, прочно укорененных в традиционной русской культуре, формированию всей системы социальных отношений с окружающим миром. Глобализация современной культуры, дистанцирование человека от традиционных видов и форм общественно полезного труда в значительной мере осложняют процесс социализации молодежи, формируют установки на праздность, гедонизм, социальную аномию, обособление, индивидуализм, потребительское отношение к жизни и окружающим. Усиление деструкции традиционной культуры сопряжено с нарастающим влиянием средств массовой информации, интернета, социальных сетей, посредством которых происходит «омассовление» сознания значительной части подростков и молодежи, закрепление в их мировоззрении ложных смыслов и ценностей. Выход из сложного положения видится в усилении влияния семьи, институтов социализации на социально-нравственное развитие детей, в пропаганде традиционных ценностей Русского мира, развитии общинно-коллективистской морали, включении подростков и молодежи в коллективный общественно полезный труд. Только через совместный труд возможно формирование устойчивых социальных и личностных качеств детей и молодежи, приобщение их к традициям и нормам национальной культуры.

Ключевые слова: философия образования, социальное воспитание, этническая социализация, этнокультурная идентичность, общественно полезный труд, трудовая деятельность, диалектика социального и индивидуального, инкультурация личности.

A. V. Reprintsev

**Labor in the System of Factors of Ethno-Cultural Socialization of Modern Youth:
the Dialectic of Social and Individual**

In traditional Russian culture, for many centuries, labor and labor activity have been the most important factor in the socialization of children and youth, the assimilation of the norms and values of public morality, the formation of a system of human social relations with the outside world. The naturalness of socialization through labor ensured the formation of a wide range of social qualities of the Russian person, their dialectical conjugation of social and individual in the personality. Since the time of K. D. Ushinsky labor has been considered as the most important factor and an effective means of socialization of the individual, finding the dialectical balance of the social and the individual in man. Through joint work, the pupil naturally starts to realize the most important moral norms, firmly rooted in traditional Russian culture, the formation of the entire system of social relations with the outside world. The globalization of modern culture, the distancing of man from traditional types and forms of socially useful labor greatly complicate the process of socialization of young people, form the setting for idleness, hedonism, social anomie. Strengthening the destruction of traditional culture is associated with the growing influence of the mass media, the Internet, and social networks, through which the masses of adolescents and young people are «massaged», and false ideas and values are fixed in their consciousness. The way out of the difficult situation is seen in strengthening the influence of the family, the institutions of socialization on the social and moral development of children, the promotion of traditional values of the Russian world, the development of community and collectivist morality, and the inclusion of adolescents and youth in collective socially useful work. Only through joint work it is possible to form stable social and personal qualities of children and young people, introducing them to the traditions and norms of national culture.

Keywords: philosophy of education, social education, ethnic socialization, ethnocultural identity, socially useful work, labor activity, dialectic of social and individual, inculturation of personality.

Одной из важнейших социально-педагогических проблем, обнаруживаемых и решаемых в трудовой деятельности человека, является проблема соотношения в конкретной личности социального и индивидуального. Философы много писали и пишут об этой проблеме, но каж-

дый человек в каждой конкретной ситуации определяет для себя «золотую середину», где, оставаясь существом социальным, проявляя социально-типичное, он при этом не утрачивает индивидуально ценного, личностного. Действительно, какой бы «полной и всесторонней», «положительной и результативной» ни была социализация человека, в каждой конкретной ситуации он решает для себя эту внутреннюю дилемму: как не оказаться в плену социального и не впасть в открытый конформизм, социальную мимикрию, приспособляясь к социальной среде, и как при этом сохранить свое Я, свое достоинство, свою честь, не «наступить на горло собственной песне». Социализация личности на всех этапах представляет собой уникальный процесс поиска человеком своего внутреннего «равновесия», некоего личного «компромисса» между внешним и внутренним, социальным и индивидуальным. Требования внешней среды, регламентирующие поведение и отношения личности, ограничивающие ее свободу, соотносятся с внутренними представлениями человека о границах возможного, допустимого, социально одобряемого, а также желаемого, необходимого, целесообразного для него. Внутренняя цель личности соотносится с внешними обстоятельствами, условиями, нравственными нормативами. Эта диалектическая связь внешнего и внутреннего, социального и индивидуального, словно «сообщающиеся сосуды», выражается в мере социальности личности, ее способности «быть человеком» (оставаясь всегда существом биологическим, оставаться – становиться! – существом социальным), сохранять в себе человеческое, руководствоваться устойчивыми моральными императивами, задающими границы социальной свободы индивида, проявления своей субъектности, самости, воли. Социализация выступает важнейшим фактором обретения личностью опыта жизни в социуме, адаптации к существующим в обществе нравственным нормам, регламентирующим всю палитру проявлений и отношений человека, всю его жизнедеятельность.

Социальное и индивидуальное проявляется в различных видах жизнедеятельности человека. Но наиболее полно и зримо их диалектическая связь проявляется в труде. По сути, трудовая деятельность – важнейший вид деятельности, проявляющий меру понимания человеком социального смысла своего труда и воплощающий уникальность личности как субъекта деятельности, ее автора. Какие бы виды и формы труда мы не рассматривали, в каждом из них мы найдем не только социальный смысл, но и личностную значимость,

и оригинальность творческого почерка автора, и воплощенные его способности. На разных этапах развития личности суть этой диалектической связи социального и индивидуального не меняется, воплощаясь в мере субъективной ответственности человека перед референтными для него людьми за результаты его деятельности. Труд выступает той уникальной сферой человеческой жизни, в которой воплощается мера ответственности личности за получаемый в процессе деятельности конкретный продукт, результат. Так, человеком движут личные, индивидуальные цели, он руководствуется «своими» мотивами, включаясь в процесс труда, ориентируется на свои «природные сущностные силы» – способности, опирается на имеющийся опыт выполнения деятельности, но при этом человек непременно учитывает общественную значимость того, что он делает, и результата, к которому стремится; он соотносит свои внутренние потребности, установки, цели, мотивы с ожиданиями окружающих его людей, традициями и нормами национальной культуры. Труд в этом случае оказывается той важной сферой, в которой встречаются и обретают единство социальное и индивидуальное в личности. «Свободный труд нужен человеку сам по себе, для развития и поддержания в нем чувства человеческого достоинства» [38, с. 335].

Свободный труд, о котором писал К. Д. Ушинский, имеет относительную свободу: он всегда связан с пониманием личностью границ долженствования, соответствия поведения человека сложившимся нравственным нормам, способам проявления своей деятельной активности, реализации жизненных целей и интересов. Система социальных нормативов, исторически сложившихся ценностей общества задают границы долженствования, определяя тем самым рамки свободы человека. Именно в этих рамках человек свободен выбирать те способы и виды деятельности, в которых он получает возможность реализовать свою субъектность, быть хозяином своей социальной и профессиональной биографии. Деструкция таких ценностей, сопряженная с масштабными социокультурными трансформациями, неизбежно дезориентирует входящего в социальный мир человека, разрушает все прежние представления о должном. В этом случае вполне закономерным следствием деструкции общественной морали становятся ложные цели и ценности, формирующие в сознании молодого человека искаженную картину окружающего мира и себя самого в этом мире [7]. Поиск человеческого счастья оказывается сопряжен в его сознании исключи-

тельно с удовлетворением сиюминутных, материальных потребностей, отодвигая на дальний план все, что связано с подлинной духовной жизнью, с человеческой моралью. Прагматизация сознания значительной части современной молодежи, очевидно, самым тесным образом связана с отсутствием в общественной морали ценности труда, понимания того, что именно труд является источником и главным мерилем ценности самого человека, а не только того, что он создает в процессе труда. Декларативность ценности труда в социальном воспитании не подтверждается современными реалиями жизни: успешность человека не связана сегодня с мерой качества и количества его общественно востребованного труда; его положение в обществе зависит только от его материальных, финансовых возможностей, которые очень часто не являются плодом его личных трудовых усилий [8]. Это самый сильный деструктивный фактор, который существенно осложняет процесс социализации современных подростков и юношества, внедряя в их сознание ложные представления о социальном успехе и общественном признании.

В самом деле: кто сегодня успешен в обществе? – Кто много и добросовестно трудился на благо общества, кто не щадил себя, радея об общественном благе, кто верой и правдой трудился во благо всех? Почему в общественном сознании сегодня так ощутимо неприятие богатства (особенно нарочито, показушно демонстрируемого), несправедно нажитого? Только ли в традиционном обостренном чувстве справедливости, весьма характерном для русского человека, здесь кроется извечное стремление к равенству материальному, экономическому? Не здесь ли корни сочувственного отношения большинства русских людей к давнему лозунгу массовых крестьянских протестов и пролетарских движений «мир – хижинам, война – дворцам»? Нетерпимость к богатству сопряжена в традиционном общественном сознании русского этноса с нетерпимостью к нечестному труду. Издевательски-ироничный вопрос новопеченных компраторов («Если ты такой умный, то почему такой бедный?») вызывает приступ ярости в душах тех, кто живет на трудовые доходы, кто принципиально никогда не будет жить за счет других, кто зарабатывает трудом на жизнь тем, что знает, что умеет, что способен сделать своими руками. Финансовые возможности человека сегодня практически полностью определяют его социальный статус. Уже не важно, каким образом, из каких источников получены финансовые ресурсы, главное – обладать ими, свободно распо-

ряжаться, не соотнося свои желания с возможностями остальных: деньги позволяют человеку, владеющему ими, дистанцироваться от «нищобродов», выделиться из массы, публично показать свои возможности. Как отмечает Н. Н. Зарубина, «главная особенность культуры богатства в условиях доминирования рыночной экономики состоит в том, что все социальные возможности воспринимаются как производные от денег. Поскольку за деньги становится возможным купить все, они постепенно начинают выступать в качестве символа всех возможностей и достоинств личности, а также универсального критерия ее эффективности и состоятельности» [13, с. 15].

Для социального воспитания детей и молодежи, формирования нравственной культуры подростков и юношества это обстоятельство имеет принципиальное значение: никакие институты социального воспитания не смогут преодолеть этого противоречия между богатством и бедностью, между честным и нечестным трудом. Гармонизировать отношения между этими социальными стратами усилиями школы и учителя невозможно: «Обладание богатством – в современном обществе, в первую очередь, деньгами – дает дополнительную социальную “прибавочную стоимость”, которая вытекает из факта этого обладания и возрастает пропорционально размерам богатства. Богатые пользуются преимуществами в виде престижа, уважения, почитания, которого не имеют бедные. Отсутствие же денег или их незначительное количество лишает и вполне достойного человека его социальной позиции, престижа, а нередко – и уважения окружающих» [13, с. 15-16]. Тогда как объяснить природу социальной успешности ребенка, который остро переживает социальную несправедливость собственного положения, финансовую неуспешность своих родителей, быстро утрачивает чувство «социального оптимизма» – веру в себя и свое будущее? Как убедить ребенка в том, что «нужно много и добросовестно трудиться на благо общества», чтобы снискать уважение и признание своих соотечественников, получить достойное вознаграждение за свой труд? Как оправдать богатство и роскошь одних, нищету и бедность большинства? «Культуре богатства обществ, в которых доминируют его денежные формы, присуща специфическая этика успеха, которая признает в качестве доминанты поведения стремление к максимальной самореализации, проявляющейся, в первую очередь, в карьерном и статусном росте и соответствующей материальной денежной прибыли. Этика успеха предписывает

добиваться поставленной цели всеми доступными средствами по принципу “что не запрещено, то разрешено”. На этой основе легко развиваются социал-дарвинистские комплексы культа силы и презрения к слабым, неудачливым, аутсайдерам, проигравшим соревнование. Формируется представление о том, что каждый человек сам несет ответственность за свою судьбу и, соответственно, сам виноват в своих неудачах и бедствиях. Из этого следует и отказ от практик милосердной поддержки слабых и нуждающихся» [13, с. 16].

Апелляция к нормам христианской морали, оправдание богатства, известная нравственная максима «непротивления злу силою», убеждение в справедливости «высшего суда» и наказания за несправедную жизнь на земле едва ли помогут подростку и юноше обрести веру в социальную справедливость и стремление к добросовестному, честному труду. В анализе социальных противоречий, порожденных экономическим неравенством, социологи апеллируют к специфике протестантской этики, рассматривающей «успех в рациональном овладении профессией и богатство в качестве знака принадлежности к особому сообществу избранных и спасенных, “святых в миру”, а неудачи и следующую из них бедность как знак богооставленности, отверженности, обреченности на погибель» [13, с. 15]. Как отмечал М. Вебер, между богатыми и бедными пролегла пропасть, которая «глубоко врезалась во все сферы социальной жизни, ибо божественная милость, дарованная избранным, требовала не снисходительности к грешнику и готовности помочь ближнему своему в сознании собственной слабости, а ненависти и презрения к нему как к врагу Господню, отмеченному клеймом вечного осуждения» [10, с. 157]. Становление рыночных отношений в современном обществе, стремительная социальная стратификация, формирование разных образов жизни и разного отношения к труду, разных систем ценностей в каждой из социальных страт неизбежно проявляется в особенностях социального становления детей и молодежи, формировании их жизненных планов, профессионально-трудовых намерений, содержания субкультур.

Социализация современных детей и подростков осложняется еще и тем, что в своих неудачах, социальной обреченности дети чаще всего винят собственных отцов, оказавшихся «неспособными обеспечить их будущее», «пристроить в хорошее место». Упреки родителям высказываются достаточно рано и резко: «Сами ничего в жизни не добились и мне ничего не дали»... Нельзя сказать, что явление это ново, оригинально, что в прежние

времена ничего подобного не случалось. Проблема «отцов и детей» с усложнением современной общественной и экономической жизни никуда не исчезла, она лишь усугубилась новыми реалиями, в которых «золотая молодежь» нарочито и цинично «прожигает жизнь», сорит деньгами, не зная им цену, не приложив к их появлению никакого своего труда. Неприятие такого образа жизни большинством населения страны, в том числе и значительной частью молодежи, укоренено в традициях русской национальной культуры, в национальном характере русского человека. Как пишет Н. Н. Зарубина, традиционная русская культура всегда отдавала приоритет духовно-нравственным ценностям, негативно относясь к богатству, деньгам, накопительству [14]. Духовная жизнь, служение обществу считались наиболее достойной сферой самореализации личности. Современная культура кардинально изменила подобные представления: в центре внимания значительного количества молодых людей оказались материальные ценности, деньги, богатство [5].

Перефразируем гамлетовскую дилемму современного молодого человека в контексте произошедших в России социокультурных трансформаций: «Трудиться или не трудиться? – Вот в чем вопрос». Есть и целый ряд других вопросов, ответы на которые должно дать подросткам и юношеству социальное воспитание: Общество для меня или я для общества? Трудиться для себя или для других? Зависит ли мое благополучие от благополучия общества? Этих вопросов все больше и больше, а на фоне праздной жизни богатого меньшинства они приобретают все более острый, конфликтогенный характер, отражая нарастание противоречий между отдельными стратами. Истоки этих противоречий – в диаметрально противоположном отношении к труду подростков и молодежи, принадлежащим к различным социальным стратам некогда целого общества. «...Сейчас в России есть несколько моделей обыденной жизни, которые лежат как будто в разных измерениях. Одна – за трехметровым забором с охранниками и собаками. Другая – в покосившемся доме, где вдоль штaketника утром собирают бутылки и сдают по десятке за штуку. Фактически... расслоение общества зашло настолько глубоко, что о “единстве” разных его групп говорить нельзя» [33, с. 247]. Новый социокультурный «раскол» зиждется на разном отношении к труду и разном понимании своего предназначения в жизни. Кстати, в многочисленных мелодрамах, бесконечным мутным потоком льющихся на головы сострадающих россиян, богатые предстают «простыми»

и «такими же, как мы» людьми, вызывая слезы сочувствия, искусно порождая средствами «массовой культуры» видимость социальной гармонии, в которой «богатые тоже плачут». Но противоречия от этой «искусности» менее острыми не становятся, поскольку ответов на «вопросы жизни» массовая культура не предлагает: она лишь уводит от противоречий, камуфлирует их, но не может разрешить. Не помогает «массовая культура» и социальному воспитанию, лишь закрепляя социокультурную дезориентацию детей и молодежи, пропагандируя праздность, пошлость, разврат. Опасность «омассовления» сознания молодежи через средства массовой информации и «массовой культуры» состоит в том, что они еще больше дистанцируют человека от подготовки к труду, к самореализации в трудовой деятельности, к достижению социальной и персональной идентичности с определенной профессионально-трудовой и социальной группой. Труд оказывается тем «краеугольным камнем», о который разбиваются все теоретические построения и модели постмодернистов и методологов постиндустриального мира [39].

Не случайно благотворное, одухотворяющее влияние трудовой деятельности на человека К. Д. Ушинский связывал с мерой сформированности духовно-нравственной культуры личности, христианским пониманием своего предназначения в жизни, наличием осознанного понимания целей труда. Значит, социальное воспитание должно помочь входящим в жизнь молодым людям найти свою цель, осознать смысл и необходимость труда, без которого невозможно обрести человеческое счастье.

Здесь необходимо вновь вернуться к трактовке миссии социального воспитания: в чем его смысл? В подготовке детей и молодежи к жизни в обществе, в обеспечении продуктивной социализации? Или в том, чтобы продолжить «работу» средств массовой информации, «массовой культуры», дезориентирующих личность, задающих откровенно ложные цели и смыслы в жизни? Ответ на этот вопрос сегодня каждый педагог находит сам, но, по сути, ограничен в свободе выбора ценностно-смысловых, содержательных основ своей деятельности, которые четко регламентированы в Законе «Об образовании в Российской Федерации» (2012) и в целом рядом нормативно-правовых документов, федеральных программ, вполне конкретно формулирующих цели государственной политики в сфере образования и воспитания детей и молодежи. Труд фактически «ушел» из школы, из образования. Его «остатки» в совре-

менной образовательной и социально-педагогической практике носят декоративный характер, превращая труд в развлечение, забаву, игру, выхолащивая его созидательный, гуманистический характер, уводя детей от волевого напряжения, самопреодоления, жертвенности, добротворчества, ориентированности на благополучие других.

Труд уже в школьные годы позволяет (нет, позволяя!) каждому школьнику осознать свою социальную и персональную идентичность: где и с кем оказывался воспитанник, включаясь в трудовую деятельность, – с «созидателями» или с «созерцателями», с «деятелями» или «потребителями». Первые моменты самоидентификации позволяли ребенку не только занять определенную социальную позицию по отношению к социальной среде и предлагаемой деятельности, но и дать оценку самому себе, своему личному вкладу в общее дело, формировали первые навыки саморефлексии. А основу этого опыта самооценки составляли совместный труд и его результаты [28]. Социализирующий потенциал труда обеспечивал важную функцию – поиск ребенком способов социальной коммуникации в общей, социально значимой деятельности, позволял выбрать социальную роль, адекватную возможностям воспитанника (организатора, исполнителя, оценщика, критика, наблюдателя, имитатора и т. д.), его социальному статусу в группе сверстников, расширял социальный опыт, обеспечивал вариативность социальных проб, сфер возможной личностной самореализации и т. д. [27]. Через труд к ребенку приходило ощущение своей идентичности с окружающими детьми, первичная социальная идентификация с коллективом, деление на «мы» и «они», «мое» и «наше». Именно труд позволял обеспечить диалектическую связь социального и индивидуального в конкретной позиции отдельной личности в общей, коллективной деятельности. Благодаря совместному труду ребенок получал то признание в среде сверстников, которое он не всегда мог получить в учебной деятельности, мог реализовать свои лидерские качества, организаторские способности, ощутить радость от совместного достигнутых результатов труда. «Труд сделался довершительным законом человеческой природы, телесной и духовной, и человеческой жизни на земле, отдельной и в обществе, необходимым условием его телесного, нравственного и умственного совершенствования, его человеческого достоинства, его свободы и, наконец, его наслаждений и его счастья» [38, с. 340]. Если образование позволяет человеку обрести свое личное счастье, то оно

должно предоставить ему возможность прежде обрести себя в реальной практической деятельности, ощутить радость от достижения цели, удовлетворение от сделанного: «Стремление к счастью может быть даже противоположным стремлению к наслаждениям (аскет, труженик не ищет наслаждений, часто отвергает, убивает их)» [20, с. 346-350]. Ушинский именно таким образом определял суть воспитания: «Главная цель воспитания заключается в счастье воспитанника... Это основная мысль христианского воспитания, так как христианство ставит индивидуальную душу человека выше всего мира. Но эта мысль может сделаться руководящею только в том случае, если воспитатель не смешивает счастье с наслаждением» [37, с. 200].

Значительной частью (если не большинством!) современных подростков и юношей наслаждения воспринимаются как вполне убедительный эквивалент счастья: гедонистические установки массово тиражируются через социальные сети и становятся устойчивыми субъективными социальными нормами личности. Счастье трактуется адептами социальных сетей исключительно как обладание деньгами, роскошным жильем, дорогими автомобилями, яхтами, бизнес-джетами, как бесконечный и неограниченный никакими табуированными нормами секс. Так, в современную социокультурную реальность ворвалась философия жизни, замешанная на дрожжах гедонизма, праздности, разврата. Счастье интерпретировано как возможность получения человеком неограниченных благ, жизненных удовольствий без интенсивного и изнурительного труда, как образ жизни, в котором индивидуальное Я доминирует над социальным. В связи с этим заметим, через самый массовый вид социализирующего «окультуривающего» влияния – телевизионную рекламу – уже незаметно вошли извращенные «культурные» штампы, сформировавшие искаженные представления целого поколения россиян о самых высоких нравственных нормах. Сколько важных нравственных смыслов сознательно искажается для достижения «нужного» эффекта – продвижения товара или услуги, но при этом цена духовных потерь от такой «игры слов» не поддается никакому измерению! Коммерческая прибыль «окупает» все издержки духовной деградации целого поколения?..

В рекламных слоганах, штампах, словосочетаниях за кажущейся, внешней иронией, «дурашливостью» просматривается весьма опасный процесс скрытой девальвации традиционных духовно-нравственных ценностей, их деструкции в об-

щественном сознании. Конечно, изменить ценностно-смысловое ядро в сознании взрослого, зрелого человека сложно, а вот формирующееся сознание легко «проглатывает» эту шутиливую «наживку» и твердо усваивает: святое и грешное – поцелуй мамы и глоток хорошего кофе – это равнозначные феномены, имеющие одинаковый нравственный смысл. Стоит ли удивляться появлению современных манкуртов, без малейшего сомнения лишаящих жизни собственного отца? Или мать? Бабушку или деда, осмелившихся усомниться в необходимости 11-12-летнему подростку идти в клуб на вечеринку с друзьями и не получившему денег на удовольствия? Возвращенные на дрожжах безнравственной рекламы, асоциальных моделей поведения, растиражированных «массовой культурой», подростки уже не стремятся заработать деньги своими руками, своим трудом, – деньги проще отобрать, украсть у близких – родителей, бабушки или дедушки, брата или сестры... Этот тренд сегодня очень выразительно просматривается сквозь неутолимое желание «красиво жить», сталкивающееся с отсутствием денег: многие 18-летние молодые люди находят выход в получении кредитов и смело покупают себе «атрибуты достойной жизни» – машины, брендовые вещи, украшения, новомодные гаджеты. Их совсем не заботит собственная платежеспособность – родители найдут средства, чтобы погасить кредиты и удовлетворить «детскую шалость». Статистика свидетельствует о значительном росте количества кредитов, которые без сомнений и колебаний берут в банках и кредитных организациях совсем еще юные люди! При этом никто из них не намерен компенсировать полученные средства собственным трудом.

Отсутствие реального труда, практического дела, приносящего пользу, пусть даже не всему обществу, а конкретной семье, обесмысливает социальное бытие растущего человека, наполняет его жизнь бесцельным времяпрепровождением, праздностью, бесконечной гонкой за удовольствиями. Эта гонка превращается в своеобразный наркотик: с каждым разом удовольствия должны приносить все большее и большее наслаждение! Удовольствие становится эквивалентом счастья... «Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его *не для счастья*, а готовить к труду жизни» [38, с. 348]. Прошедший через рекламное «сито» подросток, усвоив мораль «общества потребления», ощутив в себе непреодолимую жажду удовольствий, впитав в себя все «шедевры» «массовой культуры» и циничного рынка товаров и услуг, едва ли обретет

устойчивое понимание сопряженности серьезно, изнурительного труда и социальной успешности человека. С помощью этих коварных «агентов влияния» разрушаются базовые нравственные основы всей социальности человека, его способность быть субъектом жизни, ставить перед собой масштабные жизненные цели и находить приемлемые способы их достижения. Фетишизация наслаждений с помощью масс-медиа и рекламы вытесняет все нравственные новообразования в сознании молодого человека, делает его пленником всеобщего маргинального дрейфа [30, с. 61-72]. Понятно, что внешние, социально детерминирующие факторы оказываются теми самыми механизмами влияния, которые задают векторы этого дрейфа, предопределяя его неизбежные результаты, – втягивание огромного количества подростков и молодежи в глубокое болото маргинальности, прожигания жизни. Это падение в бездну порока, праздности, разврата огромного числа молодых людей вполне соответствует истинным целям масштабной «культурной революции», реализуемой ныне. Такая социальная детерминация маргинального дрейфа вполне предсказуема с позиций культурно-исторической концепции Л. С. Выготского: «Новому типу поведения с необходимостью должен соответствовать новый регулятивный принцип поведения. Мы находим его в социальной детерминации поведения, осуществляющейся с помощью знаков» [11, с. 82-83].

Маргинальное болото постоянно поглощает все новых адептов гедонизма, уводя их в пучину наслаждений, жизненных удовольствий и романтических иллюзий, формируя в их сознании искаженную, театральную картину жизни. «Социальные маргиналы – это люди не просто “выпавшие из устойчивых социальных структур”, но и вынужденные поэтому опираться на собственную личность, жить, как писал Глеб Успенский, “своим умом” и при этом “своего по части убеждений и нравственности у них ничего нет. Это – совершенно пустой сосуд, который может быть наполнен чем угодно. ...Значительно чаще в наше время – это человек массовой культуры, у которого по разным обстоятельствам не сложилась инстанция, обеспечивающая связь его поведения с требованиями и ожиданиями общества. На место этой инстанции у маргинала встала личность, одержимая различными желаниями и идеями, как правило, не согласованными с социальными нормами и ожиданиями» [29]. Маргинальных «болотных омутов» становится все больше и больше, они блещут яркими, манящими огнями, неудержимо влекут новые жертвы всеобщего иллюзиона, ис-

купают яркими, словно в детском калейдоскопе, бутафорскими витринами искусственной, придуманной реальности. Жизнь как праздник становится ныне доступной, близкой для любого человека, уводя от труда, от естественной заботы о будущем, о близких людях, обо всем обществе. В каждом городе, в каждом поселке сегодня выросли, как грибы после дождя, торгово-развлекательные центры, в которые устремляется не только молодежь, – туда идут семьями, в колясках везут малышей, идут целой компанией, – стало «модным» провести выходные дни в «шоппинге», в кафе или ресторане, в кегельбане, сделать селфи и тут же разместить свое фото в Твиттере, в социальных сетях, – все должны видеть: как я роскошно провожу свое время, как респектабельно я выгляжу, какой образ жизни я веду (могу себе позволить!)... – бесконечные наслаждения и развлечения, которыми прикрывается банальная скука и пустота души. И никакого намека на труд. Труд нет. Нет и человека. Нет общества. Нет морали. Есть только гипертрофированное Я и бесконечный «праздник», на котором присутствую Я. Праздник для меня! Но разве в праздности и лени жила традиционная русская семья? Разве бесконечные наслаждения и развлечения составляли традиционный образ жизни русского человека? Разве самолюбование и самовосхваление составляли фундамент отношения человека к окружающим людям и самому себе в истории и культуре Русского мира? Как удивительно точно и выразительно характеризует крестьянский труд и крестьянский дух К. Д. Ушинский [38, с. 349-350].

Оторвавшись от духовных традиций Русского мира, современный человек спешит не в церковь, «не свечу зажечь перед иконами», «не покаяться и помолиться о благополучии близких» (К. Д. Ушинский), а в торгово-развлекательный центр, чтобы весело провести время, предать наслаждениям свое тело, но не душу! Тогда в чем же состоит для таких родителей суть социализации их чад? Что видят они в качестве результата социального воспитания? Находят ли место для реализации потенциала труда в социальном становлении своих детей, труда, через который сформировались бы в их сознании представления о долге, чести, достоинстве, ответственности? Социальное и индивидуальное находятся в диалектическом единстве, теснейшей связи, взаимно обуславливая развитие друг друга. Не развивая душу ребенка, не формируя в нем привычки трудиться, родители неизбежно формируют личность потребителя, для которого собственное Я будет всегда выше всего. Для такого дитяти превыше

всего будут только деньги, богатство, наслаждения. Найдут ли в своем сыне или дочери, ставших взрослыми, опору и поддержку, надежный и прочный тыл, который сделает их старость счастливой? Будет ли пример родителей служить основой в строительстве своей собственной семьи? Родительский пример – самый эффективный фактор воспитания растущих детей; если отношения в семье строятся на праздности, потворстве лени, созерцательности, эгоизму, безразличию к делам и заботам старших, едва ли следует ожидать, что, став взрослыми, дети ответственно примут на себя трудовую эстафету и с готовностью будут неустанно заботиться о благополучии своих постаревших родителей. Роскошь и детский нарциссизм прорастут и проявят себя прочными чертами эгоизма, самолюбования, индивидуализма, жажды наслаждений. Не случайно в традиционной культуре Русского мира крестьянин с самых малых лет брал с собой сына в поле и вместе с ним прокладывал первую борозду: педагогический смысл этого включения прост и предельно ясен – ребенок привыкал смотреть на образ жизни родителей и хорошо понимал, из чего складывается экономическое благополучие семьи, сколь велика ответственность родителей за это благополучие, сколь смиренно несут они свой крест, заботясь о хлебе насущном, о семейном счастье. Родительский пример показывал ребенку, что никакие блага не появляются сами, их творение – дело конкретных рук, плод усилий реальных людей. Труд – единственный способ обеспечить семью, вырастить детей и «поставить их на ноги», помочь им в строительстве своего будущего. Здесь невозможна и недопустима жалость к себе, равнодушие к другим; круг традиционных крестьянских забот не оставлял крестьянину времени на праздность, на безделье, на развлечения. Крестьянское понимание сути труда прочно зиждилось на доминировании социального над индивидуальным [26].

Главной чертой образа жизни традиционного Русского мира был общинно-коллективистский характер отношений, морально-психологическая сплоченность, организованность трудовой общины. «Принципиальная особенность трудовой культуры российского крестьянства – коллективизм. О нем свидетельствует чрезвычайная устойчивость крестьянской общины и расширенной семьи, сохранившихся вплоть до второй половины XIX века» [25, с. 21]. Важнейшим регулятором отношений внутри общины была особая общественно-трудовая мораль, в соответствии с которой человек ориентировался на очень скромный уровень достатка, никогда не был пленником рос-

коши, денег, богатства – его больше заботили духовная чистота, христианская сострадательность, стремление жить по совести. Труд выступал той важнейшей сферой, в которой нравственная сущность человека получала максимальное воплощение, общественное проявление. В труде человек проявлял свое понимание жизни, отношение к близким людям, к миру, которому он принадлежал. Особенно жесткими в соблюдении трудовой этики Русского мира были старообрядцы, которые «практиковали строгий аскетизм: adeptам предписывалось воздерживаться от алкоголя и табака; поощрялись усердие в работе, рассудительность и бережливость» [36]. Среди важнейших ценностей старообрядцев была *вера* – фактор личной индивидуальной ответственности человека перед самим собой, перед Богом, перед общиной, моральный регулятор общественных проявлений человека; *нестяжательство* и понимание духовного соблазна, таящегося в богатстве; *совестливость* перед людьми и природой; понимание *труда как исполнения Божьих заповедей* и разновидности аскетического подвига; понимание *честного труда как особого со-работничества Богу* и как источника подлинной духовной радости [12, с. 68]. Эти нравственные идеи служили важнейшей философско-мировоззренческой базой в организации социального воспитания детей, воспроизводства традиций и норм русской культуры в новых поколениях русских людей.

Значит, идеи и нормы православной этики, христианской аскезы, неприятие богатства, трудолюбие и послушание, совестливость и честность, сотрудничество и сострадательность были важнейшими ценностно-смысловыми ориентирами, определявшими содержание и организацию социального воспитания детей в традиционном Русском мире, формирования их отношения к труду. «*Возможность труда и любовь к нему – лучшее наследство, которое может оставить своим детям и бедный и богач*. Труд, конечно, бремя, но бремя, без которого возможное соединение человеческого достоинства и счастья невозможно, – бремя, которое должен нести человек, если хочет прийти к тому невозмутимому спокойствию, к которому призываются только *трудящиеся и обремененные*» [38, с. 360-361]. В этой трактовке сути человеческого труда проявилась вся гениальность Ушинского: если ты не трудишься, не несешь в поте лица бремя труда, ты не можешь считаться достойным, а уж тем более счастливым человеком. Достойный и счастливый человек – это тот, кто усердно и добросовестно трудится во благо других людей, кто радеет об их благе. Выра-

женное социальное начало труда сочетается в личности русского человека с традиционной заботой о близких людях, подлинным альтруизмом и аскезой, умеренностью в потребностях, нестяжательством и совестью, честностью и коллективизмом. Без них в человеке неизбежно набирают силу индивидуализм, прагматизм, прорастают коварные споры эгоизма. Это в равной степени относится и к русскому крестьянину, и к купцу, и к крупному промышленнику. Важность такой трактовки сопряженности труда с достоинством и счастьем человека особенно ощутима в контексте практики социального воспитания детей: личный пример родителей, их отношение к жизни, воплощенное в повседневном труде, служит базой в развитии личности ребенка, *привыкающего трудиться* вместе с родителями и смиренно нести свой крест на протяжении всей жизни. «Воспитание не только должно внушить воспитаннику уважение и любовь к труду: оно должно еще дать ему и *привычку к труду*, потому что дельный, серьезный труд всегда тяжел» [38, с. 358].

Тот, кто привык к труду, станет труженником. Тот, кто привык соотносить «мое» и «наше», всегда будет прежде думать о других, нежели удовлетворять свои прихоти и желания. Тот, кто с детства привык только брать, едва ли станет делиться с другим. Тот, кто привык к роскоши и праздности, едва ли станет создателем и творцом. Значит, изобретенный и апробированный многовековой практикой подлинно народного социального воспитания путь к душе и сознанию ребенка – через личный пример родителей, через раннее включение в труд, через формирование устойчивых нравственных и трудовых привычек, через развитие способности к вчувствованию в другого человека и пониманию его душевного состояния, пробуждение сострадания к нему – и есть путь воспроизводства русского человека, русской культуры, русского духа.

Важно заботиться о развитии души ребенка, росте его духовных потребностей, которые единственные способны сделать человека счастливым, возвысить его над суетой сиюминутного, материального, помочь отделить истинно ценное от ложного, фальшивого, временного.

Надо все-таки оговориться и признать, что конец XIX в. значительно изменил облик Русского мира. Вместе с бурным развитием в России капитализма в духовную жизнь русских людей вошли многочисленные нравственные пороки и болезни, которые стали предвестниками глубинных изменений не только всей русской культуры, обще-

ственной морали, отношения людей к труду, но и масштабных социальных потрясений [23, с. 99-108]. Разрушение традиционной крестьянской общины, отрыв социальной элиты от основной массы населения, социальное расслоение, экспансия западной культуры и вытеснение ею всего русского, прагматизация сознания значительной части людей, отток населения в города и бурное развитие промышленности с появлением рабочего класса, оторвавшегося от земли и ставшего «продавцом собственной рабочей силы», духовное оскудение и маргинализация значительной части населения страны породили очень опасное состояние в обществе, одним из трагических последствий которого стал межпоколенный разрыв, утрата традиционной семьей своей воспитательной функции [24]. Как в свое время в Англии разворачивался процесс бурного развития промышленного производства (вспомним процесс «огораживания», когда «овцы людей поели»), когда английских крестьян массово сгоняли со своих земель и физически уничтожали богатые и предприимчивые соотечественники, так и в России на рубеже веков крестьянский мир стал активно разрушаться, а дети оказались вне трудовой деятельности семьи, традиционной общины, потеряли связь с землей, оказались нравственно дезориентированы. Подобно тому как в Европе лишённые земли крестьяне превращались в «пауперов» – нищих и бродяг, в России обезземеливание крестьянства привело к появлению огромной массы «лично свободных» людей, лишённых средств производства (земли, имущества, животных, в первую очередь лошадей), лишённых средств существования. Эта масса людей вынуждена была переселяться в города, наниматься на работу к владельцам промышленных предприятий, становиться пролетариатом. Но самое трагичное в этой масштабной социальной трансформации состояло в том, что прежняя система традиционных ценностей фактически утратила свое влияние. Индивидуальное стало доминировать над социальным. Нынешние историки и политологи, педагоги и психологи находят множество совпадений в состоянии общества на рубеже XIX-XX и XX-XXI вв.

Разрушить традиционный крестьянский мир оказалось несложно, но на его обломках не удалось создать новый – лучше и справедливее. Традиционные ценности Русского мира оказались девальвированы, преданы осмеянию, остракизму. Как здесь не вспомнить ироничное выражение «квасной патриотизм», полемику западников и славянофилов; как не вспомнить В. Г. Белинского

и его письмо К. Д. Кавелину, где он пишет: «Терпеть не могу я восторженных патриотов, выезжающих вечно на междометиях или на квасу да каше» [2, с. 319]. Ирония по отношению ко всему истинно русскому девальвировала традиционные ценности, снизили их общественный и культурный статус [35, с. 334-342]. Но душа человека (как и природа!) не терпит пустоты. Ее необходимо наполнить новыми смыслами и содержанием. Появилось ли оно? Размышляя о прежнем крестьянском мире и трудовой этике, С. Н. Булгаков писал: «Христианство освободило и реабилитировало всякий труд... и оно вложило в него новую душу. В нем родился новый хозяйственный человек, с новой мотивацией труда. Эта мотивация носит в себе черты соединения мироотреченности и миропрятия в этике хозяйственного аскетизма, причем именно это соединение противоположностей и напряженности своей дает наибольшую энергию аскетического, религиозно-мотивированного труда» [9, с. 234]. Но разве роскошь и аскеза «родные сестры»? Разве они не задают разнонаправленные векторы развития человеческого сознания и не формируют диаметрально противоположные образы жизни людей? Разве понимание счастья и человеческого успеха одинаково трактуется среди тех, кто устремлен к роскоши, и среди тех, кто проповедует аскезу?

Труд и трудовая деятельность семьи, вписанной в структуру Русского мира, создавали особую атмосферу, морально-психологическую и социокультурную среду, задававшую ориентиры социально одобряемого поведения и отношений человека. Живя в такой социокультурной среде, принимая и поддерживая ее систему ценностей, человек своим поведением и трудовой деятельностью воспроизводил соответствующие этой системе ценностей социальные отношения, совершал поступки, соответствующие ожиданиям людей и своим представлениям о чести, долге, ответственности, достоинстве, справедливости. Личная, индивидуальная свобода человека в буржуазном мире не может компенсировать потерю культурно-исторического смысла, задававшегося исторически сложившейся системой традиционных культурных ценностей и норм Русского мира. На это указывал и Н. А. Бердяев: «Именно капиталистическая система прежде всего раздавливает личность и дегуманизирует человеческую жизнь, превращает человека в вещь и товар, и не подобает защитникам этой системы обличать коммунистов в отрицании личности и в дегуманизации человеческой жизни» [3, с. 150].

Понятно, что культурно-исторической основой системы социального воспитания в Русском мире стал *общинно-коллективистский этос* – те самые «священные камни», на которых строится и существует общество. Их воспроизводство в новых поколениях и составляет сущность, содержательную основу социального воспитания и образования русских детей и молодежи: «*Этос проявляет себя в особых исторических ситуациях, когда под угрозой оказываются важнейшие гуманистические принципы бытия человека, существования общечеловеческого*» [3, с. 150].

Самым убедительным подтверждением прочности этого культурно-исторического базиса, торжества трудовой, общинно-коллективистской этики над «этикой фашизма», философией «сверхчеловека» стали множественные примеры героизма, мужества, высоты человеческого духа и самопожертвования простых советских людей, воспитанных на идеях коллективизма, социальной справедливости, равенства, братства, проявленные в годы Великой Отечественной войны. Не по этой ли причине современные теоретики постмодернизма так активно продвигают идеологию индивидуализма, социальной аномии, культа гедонизма и личной свободы, чтобы выкорчевать в русских детях остатки генетической памяти о соборности, общинности, коллективизме, товариществе, братстве, справедливости, сострадании, сотрудничестве, самопожертвовании, разрушить традиционную систему ценностей Русского мира и подменить ее мишурой «массовой культуры»? Первой и главной средой, которая подвергается такому разрушающему воздействию, стала традиционная русская семья – та самая важная и самая влиятельная среда, в которой ребенок обретает первые ростки социальности, осваивает нормы строительства отношений с людьми. В. С. Соловьев подчеркивал, что «всякая общественная среда есть объективное проявление или воплощение нравственности (должных отношений) на известной ступени человеческого развития» [34, с. 287]. И такой базовой общинно-коллективистской средой была в традиционной русской культуре семья, труженические отношения в ней. Семья гармонизирует социальное и индивидуальное в личности, уравнивает их, задает некий «баланс», приучает ребенка соотносить желаемое и возможное, «мое» и «наше», свои интересы и интересы других членов семьи. Это базовый, первичный опыт социальности, который впоследствии экстраполируется на широкую социальную среду, становится для личности основой строительства отношений с другими людьми.

В социально-нравственном развитии личности семья позволяла ребенку усвоить самую важную истину: невозможно быть счастливым, когда вокруг тебя несчастливые люди; невозможно построить собственное счастье за счет несчастья других людей. Этот нравственный закон обеспечивал сопряжение в сознании взрослеющего человека личного стремления к благополучию и счастьем с благополучием и счастьем других людей, указывал на диалектическую связь социального и индивидуального. Но институт семьи обеспечивал и уважительное отношение к прошлому, «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» (А. С. Пушкин), формирование уважительного, бережного отношения к национальной истории, к ее героям, к традициям и духовному опыту предков.

«Священные камни» – ценности и нормы традиционной русской культуры, составлявшие ее этос, своеобразный «культурный код русской цивилизации», входили в сознание и душу ребенка через духовную ауру семьи, через совместный труд и заботы, через осмысление морального выбора отцов, совершенного на самых ответственных этапах национальной истории [1]. Неуважение к прошлому, высокомерие, насмешка, ирония по отношению к национальным героям были равносильны моральному предательству по отношению к своему роду, к своим предкам. О недопустимости такого отношения к национальной истории очень точно и глубоко писал Н. М. Карамзин. Признавая величие Петра I, Карамзин упрекал его в том, что он научил русских людей смеяться над собственной историей, в то время как у истории надо учиться, истории нужно быть благодарным [18]. Социальное проникает в индивидуальное, пропитывает растущего человека особым моральным духом, укрепляя его связь с прошлым, настоящим и будущим, делая его субъектом собственной жизни, носителем национального самосознания. Но и внутреннее – представления растущего человека о ценностях мира, к которому он принадлежит, его нравственные убеждения, понимание своего предназначения в жизни, весь строй его души, включая огромный диапазон эмоциональных состояний и проявлений, весь спектр освоенных и закрепленных в его индивидуальном опыте способов реализации природного потенциала – проявляют себя в творении мира внешнего, социального, мира отношений и конкретных дел, творении добрых и полезных событий, совершении общественно ценных поступков, выражающих отношение к Родине, Отечеству, семье, своим соплеменникам, братьям и сестрам по вере.

Диалектичность отношений внутреннего и внешнего в человеке, их взаимообусловленность и взаимосвязь очень точно сформулировали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии»: «Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [22, с. 37]. Русский мир моделировал обстоятельства жизни, в которых происходило социальное становление каждого ребенка. Вся совокупность этих обстоятельств – это весь диапазон условий, событий, проявлений людей, их поступков и отношений; это все многообразие и *великолепие русской речи, метафоричность народного языка*; это весь мелос, весь музыкально-звуковой фон народной жизни; это бесконечно большой фонд вещного, предметного мира; это непередаваемый свод чувственных впечатлений и ощущений, запахов, красок, состояний; это пересказываемая из уст в уста *национальная история, с ее выдающимися героями и их незабываемыми поступками, подвигами; это этический базис Русского мира, общественно-коллективистская мораль...* – Эти обстоятельства невозможно перечислить, «посчитать», запрограммировать, но все они и есть тот уникальный социально-педагогический фон, который делает русского человека русским, формирует в нем трепетное, нежное отношение к своей стране и своему народу.

Обстоятельства, творящие человеческую личность, – это еще и фонд табуированных норм, запретов, ограничений, обозначающих границы свободы человека, определяющих то пространство, находясь в котором растущий человек реализует себя, свою активность, свою индивидуальность. У Ю. М. Лотмана есть очень точная фраза: «Культура начинается с запретов» [21]... «Табуированные формы общественной морали препятствуют разрушению социальности этноса, обеспечивая воспроизводство неписанных границ должного, формируют поле социально одобряемого поведения, пространство гарантированной нравственности в проявлениях людей. Такие границы задают условные рамки, выход за которые всегда осуждался обществом, получал его негативную оценку. Отсюда рождалось представление о том, что “можно”, а что “нельзя”... Отсюда рождалась социальность личности, позволявшая ей не только считать себя частью целого – этноса, но и обособляться от общества, выражая и сохраняя свою индивидуальность. В этом процессе участвовал весь спектр личностных способностей, качеств, проявлений, свойств» [6, с. 73-74].

Трудовая деятельность, совершаемая в единой общности (особенно, если такой общностью явля-

лась семья), движимой общими целями, взаимной ответственностью за результаты труда, формировала высокий уровень сплоченности этой общности, наполняла ее жизнь радостью от достигнутых результатов. Но внутри членов этой общности труд порождал очень важный ряд эмоциональных состояний – сопереживания, сострадания, взаимной заботы, взаимной ответственности, иногда – чувства стыда или вины, удовлетворения достигнутыми результатами. *Труд был основным видом деятельности в Русском мире, формировавшим социально зрелого человека* [19, с. 314]. Масштабные трансформации XX-XXI вв. изменили не только экономическую и политическую реальность Русского мира, они кардинально изменили духовную жизнь общества. Конечно, возврата в прошлое быть не может, «в одну реку дважды войти невозможно», – мы не должны быть наивными, нужно понимать, что эти изменения носят глобальный и необратимый характер. Конечно, новый мир рождается на наших глазах, он будет иным, не таким, каким был Русский мир в XIX столетии. Но корни этого нового мира находятся там, в прошлом, новый мир «вырастает» из старого мира, вбирая в себя все лучшее, весь тот огромный социально-трудовой опыт, который был накоплен нашими предками. Самым тревожным явлением в этом глобальном обновлении является не забвение уроков истории, но в большей степени тревожит деструкция общественной морали, сокращение меры включенности человека в трудовую деятельность. Почему так опасна деструкция морального сознания? Почему сегодня она так тревожит тех, кто занимается социальным воспитанием юношества? Ответ – очевиден! «Просчеты в социальном воспитании сегодня обернутся – уже в обозримом будущем! – неизбежным разрушением всей социальности человека, всей системы его смысложизненных координат, падением в бездну всех табуированных норм и границ социально одобряемого поведения и отношений. ... *Вернуть человеку человеческое может лишь соблюдаемая всеми, одинаково значимая для всех, признаваемая всеми членами социума общественная мораль!* Только в этом случае общественная мораль становится одной из важнейших социокультурных характеристик среды – этоса» [6, с. 74-76].

Социально-педагогические традиции Русского мира формировались на основе общинно-коллективистского уклада жизни и христианской этики. Об этом убедительные размышления оставили М. А. Демков, П. Ф. Каптерев, В. О. Ключевский, А. П. Медведков, А. С. Хомяков и др. «Тра-

диционная апелляция православия к общему сопереживанию, к идее коллективного движения к лучшему будущему, социальной справедливости наиболее тесно связана с общинным строем жизни. Община была не только хозяйственным объединением, но также первоосновой социальности и нравственности в России» [31, с. 248]. Об этом же писал и К. Д. Кавелин: «Община – явление живое, действительное и оттого весьма сложное: она органически связана со всеми сторонами народной жизни, находится под их влиянием и сама на них влияет» [17, с. 59]. Тем самым социальное воспитание в традиционной русской культуре прочно было связано с обретением растущим ребенком социальности, органического единства с социальной средой и культурой своего этноса. При этом социализация не была «специально организованной» деятельностью – воспитывала вся окружающая ребенка жизнь; то есть социализация была естественным «продуктом» интеграции ребенка в социальную среду, его включения в систему семейно-трудовых отношений, забот и дел. Основными средствами социального воспитания служили «следование традиции, авторитету, механизмы принуждения, общественного контроля, поощрения/наказания, действие по образцам, опыт коллективной жизнедеятельности».

Отдельные попытки сохранить, адаптировать исторически сложившуюся систему социализации детей в русской культурной традиции предпринимались в «новых исторических условиях» перехода от «старого» к «новому» миру. В частности, идеи социального воспитания детей через организацию влияний среды были особенно характерны в 20-е гг. XX в. и представлены, например, в опыте и трудах С. Т. Шацкого, Н. Н. Иорданского, считавшего необходимым использовать потенциал эффективных социально-психологических факторов [15, с. 78]. Средствами развития социальности ребенка, по Н. Н. Иорданскому, являлись общинный образ жизни, трудовая активность детей, развитие воли и эмоциональное подкрепление, формирование чувства ответственности за порученное дело. Механизм общественного воспитания начинается с момента фиксации проявления чувства и реализуется через поддержку активности, его закрепление [16].

Конечно, постиндустриальный мир кардинально изменил ситуацию в Русском мире, трансформировав процессы интеграции растущего человека в социальную реальность, строительства всей палитры отношений с социальной средой. Общественно полезный труд, коллективизм, интенсивное социальное взаимодействие, сотрудничество и

взаимопомощь, бескорыстие и ответственность остаются в прошлом, «канули в лету», а на смену им пришли индивидуализм, самоопределение, самореализация, Я-концепция, аномия, социальный эгоизм. Размышляя о сути социального воспитания в постиндустриальном обществе, Т. А. Ромм отмечает, что «образование становится важнейшим средством обеспечения приспособления человека к внешним условиям формирования поведения в соответствии с внешними социальными стандартами через поощрение и наказание, ... а также как обучение личности самоопределению и самореализации в тех условиях, в которых ей предстоит существовать, через овладение смысловыми контекстами, развитие эмоционально-личностной сферы человека, актуализацию субъективного переживания объективных ситуаций» [32, с. 27]. В этом случае миссия социального воспитания, по мнению Т. А. Ромм, сводится к необходимости «реагировать на рост социальных девиаций, аномии, представляющих угрозу стабильности общества, или с целью передачи “культурных эстафет”. Социальное воспитание предстает как средство адаптации или реадaptации, ресоциализации человека к тем условиям, в которых он находится» [32, с. 32-43]. По сути, социальное воспитание в этом случае становится не фактором формирования социально активной, ответственной личности, субъекта собственной жизнедеятельности, а механизмом «бихевиористского воспитания» с набором «стимулов» на асоциальные проявления растущего человека с целью закрепления «нужных» его проявлений, вписывающихся в ожидания неких «высших управленцев», «социальных менеджеров», определяющих конкретные цели и содержание деятельности каждого человека, превращающих человеческую личность в некое подобие андроида, человека-робота.

В мире роботов человеку все сложнее обрести не только цель в жизни, но и простое человеческое счастье. Само понятие о счастье становится каким-то рационально окрашенным, наполненным прагматизмом, лишенным возвышенных чувств и романтики. Наступило время Лопахиных, выкорчевывающих сады своих предков и расчетливо продающих землю... Прагматизм и холодный расчет, деньги и личная выгода становятся сегодня «хозяевами жизни», материальной основой строительства отношений с людьми и понимания личного счастья. Размышляя о природе деструкции человеческой морали, И. Е. Булатников приводит написанные более века назад истинным интеллигентом А. П. Чеховым строки, которые удивительно точно совпадают с реалиями дня се-

годняшнего [4, с. 146-152]. Конечно, изменить время невозможно, как невозможно остановить и социально-экономический прогресс, развитие современных наукоемких производств, поиск новых источников энергии. Конечно, развитие человека во многом зависит от этих внешних, социокультурных факторов. Но, врываясь в будущее, строя новую социальную и экономическую реальность, нельзя забывать о национальных традициях, о связи с прошлым, с историей и культурой своего народа. Диалектика социального и индивидуального в человеке тем и определяется, насколько он сумел найти внутренний баланс между растущими требованиями внешней среды и своими личными стремлениями и интересами. Главным, самым важным регулятором в поиске этого баланса для человека выступает его совесть. «Совесть – это и есть наш “внутренний сторож”, “молоточек”, который напоминает каждому из нас о нашем человеческом предназначении, о необходимости сохранять в себе способность чувствовать других, оставаться человеком, жить ради счастья и благополучия других людей. Главная задача социального воспитания – помочь человеку обрести человеческое счастье» [6, с. 76-77].

Библиографический список

1. Анчел, Е. Этнос и история [Текст] / Е. Анчел. – М. : Мысль, 1983.
2. Белинский, В. Г. Письмо К. Д. Кавелину. 22 ноября 1847 г. [Текст] / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений. Письма 1841-1848 гг. – Том XII. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956.
3. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990.
4. Булатников, И. Е. Деструкция морального сознания современного российского общества как проблема теории и практики социального воспитания молодежи [Текст] / И. Е. Булатников // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2012. – № 1. – Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». – С. 146-152.
5. Булатников, И. Е. «Кризис культуры» и его отражение в состоянии общественной морали: диалектика вечного и временного в социально-нравственном воспитании молодежи [Текст] / И. Е. Булатников // Евразийский форум. – 2012. – № 4. – С. 78-92.
6. Булатников, И. Е. Личность. Мораль. Воспитание: Проблемы социально-нравственного становления личности в условиях глобализации культуры : в 2 т. [Текст] / И. Е. Булатников. – Т. 1. – Курск : ООО «Издательский дом ВИП», 2017. – 392 с.

7. Булатников, И. Е. Педагогическое наследие Б. З. Вульфова в контексте «модернизации» современного российского образования: традиции и уроки системного подхода [Текст] / И. Е. Булатников // Образование личности. – 2012. – № 2. – С. 36-47.
8. Булатников, И. Е., Репринцев, А. В. Системная методология в контексте поиска оптимальной модели реформирования российского образования [Текст] / И. Е. Булатников, А. В. Репринцев // Психолого-педагогический поиск. – 2012. – № 22. – С. 19-34.
9. Булгаков, С. Н. Православие и хозяйственная жизнь [Текст] / С. Н. Булгаков // Православие. – Харьков : Фолио, 2001.
10. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма [Текст] / М. Вебер // Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990.
11. Выготский, Л. С. История развития высших психических функций [Текст] / Л. С. Выготский // Собр. соч. : в 6 т. – Т. 3. – М., 1983.
12. Даренская, В. Н. Православный трудовой этос в русской крестьянской культуре [Текст] / В. Н. Даренская // Вестник славянских культур. – 2014. – № 3 (33). – С. 68-76.
13. Зарубина, Н. Н. Деньги и культура богатства: перспективы социальной ответственности бизнеса в условиях глобализации [Текст] / Н. Н. Зарубина // Социологические исследования. – 2008. – № 10. – С. 13-23.
14. Зарубина, Н. Н. Культура богатства в дискурсе неравенства: особенности в современной России [Текст] / Н. Н. Зарубина // Общественные науки и современность. – 2012. – № 6. – С. 62-72.
15. Зарубина, Н. Н. Проклятое благо [Текст] / Н. Н. Зарубина // Отечественные записки. – 2003. – № 3 (12).
16. Иорданский, Н. Н. Основы социального воспитания в народной школе [Текст] / Н. Н. Иорданский. – М., 1919.
17. Кавелин, К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории, культуры [Текст] / К. Д. Кавелин. – М. : Правда, 1989.
18. Карамзин, Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [Электронный ресурс] / Н. М. Карамзин. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/karamzin.htm>
19. Ключевский, В. О. Соч. : в 8 томах [Текст] / В. О. Ключевский. – Т. I. – М., 1956.
20. Корольков, А. А. Педагогическая антропология К. Д. Ушинского в судьбах национальной стратегии воспитания [Текст] / А. А. Корольков // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Том 17. – Выпуск 3. – С. 346-350.
21. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв [Текст] / Ю. М. Лотман. – М., 1992.
22. Маркс, К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 3. – М. : ИПЛ, 1955.
23. Миронов, Б. Н. Отношение к труду в дореволюционной России [Текст] / Б. Н. Миронов // Социологические исследования. – 2001. – № 10. – С. 99-108.
24. Миронов, Б. Н. Трудовая этика крестьян в дореволюционной России [Электронный ресурс] / Б. Н. Миронов. – URL: <http://xn--80aa2bkafhg.xn--p1ai/30047/Trudovaya-etika-krestyan-v-dorevoluytsionnoy-Rossii>
25. Окольская, Л. А. Российская формула труда: исторический экскурс [Текст] / Л. А. Окольская // Человек. – 2006. – № 4. – С. 16-30.
26. Репринцев, А. В. Развитие теории социально-нравственного воспитания молодежи в исследованиях И. Е. Булатникова [Электронный ресурс] / А. В. Репринцев // Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2018. – № 2 (46). – С. 143-167.
27. Рожков, М. И. Практика социального воспитания: основные тенденции развития [Текст] / М. И. Рожков // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 13-18.
28. Рожков, М. И. Свобода и воспитание [Текст] / М. И. Рожков // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 4. – С. 8-12.
29. Розин, В. М. Пространство жизни и секса современного маргинала [Электронный ресурс] / В. М. Розин // Психолог. – 2013. – № 2. – С. 1-105. – URL: http://e-notabene.ru/psp/article_400.html
30. Розин, В. М. Российский маргинал как точка бифуркации [Текст] / В. М. Розин // Философские науки. – 2009. – № 5. – С. 61-72.
31. Ромм, Т. А. Социальное воспитание: традиция отечественной педагогики [Текст] / Т. А. Ромм // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2013. – № 4 (12). – С. 246-250.
32. Ромм, Т. А. Становление и развитие интерпретативного образа социального воспитания в отечественной педагогике [Текст] / Т. А. Ромм // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета IV: Педагогика. Психология. – 2014. – Вып. 4 (35). – С. 32-43.
33. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России [Текст] / под общ. ред. М. К. Горшкова. – М. : ИИК «Российская газета», 2007.
34. Соловьев, В. С. Оправдание добра [Текст] / В. С. Соловьев / отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 656 с.
35. Тихомирова, А. В. «Лапотно-квасной патриотизм» и «Русь посконная»: к вопросу о русских национальных предметных символах [Текст] / А. В. Тихомирова // Антропологический форум. – 2013. – № 18. – С. 334-342.
36. Трудовая этика старообрядчества и модернизация России в XIX и XX вв. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.russ.ru/pole/Trudovaya-etika-starobryadchestva-i-modernizaciya-Rossii-v-XIX-i-NN-vv>
37. Ушинский, К. Д. Педагогическая антропология. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии [Текст] / К. Д. Ушинский. – Т. 2. – М. : Изд-во УРАО, 2002.

38. Ушинский, К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении [Текст] / К. Д. Ушинский // Собр. соч. – Т. II. – М. – Л. : Изд-во АПН РСФСР, 1948.

39. Философская антропология. Человек многомерный [Текст] / ред.: С. А. Лебедев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 352 с.

Reference List

1. Anchel, E. Jetos i istorija = Ethos and history [Tekst] / E. Anchel. – М. : Mysl', 1983.

2. Belinskij, V. G. Pis'mo K. D. Kavelinu. 22 nojabrja 1847 g. = Letter to K. D. Kavelin. November 22, 1847 [Tekst] / V. G. Belinskij // Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma 1841-1848 gg. – Tom = XII. Complete set of works. Letters of 1841-1848 – Volume XII. – М. : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956.

3. Berdjaev, N. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma = Sources and sense of Russian communism [Tekst] / N. A. Berdjaev. – М. : Nauka, 1990.

4. Bulatnikov, I. E. Destrukciya moral'nogo soznaniya sovremenogo rossijskogo obshhestva kak problema teorii i praktiki social'nogo vospitaniya molodezhi = Destruction of moral consciousness of modern Russian society as a problem of the theory and practice of social education of youth [Tekst] / I. E. Bulatnikov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova = Bulletin of Kostroma state university named after N. A. Nekrasov. – 2012. – № 1. – Seriya «Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Juvenologija. Sociokinetika». – S. 146-152.

5. Bulatnikov, I. E. «Krizis kul'tury» i ego otrazhenie v sostojanii obshhestvennoj morali: dialektika vechnogo i vremennogo v social'no-nravstvennom vospitanii molodezhi «Crisis of culture» and its reflection in a condition of public morals: dialectics of eternal and temporary in social and moral education of youth [Tekst] / I. E. Bulatnikov // Evrazijskij forum. – 2012. – № 4. – S. 78-92.

6. Bulatnikov, I. E. Lichnost'. Moral'. Vospitanie: Problemy social'no-nravstvennogo stanovlenija lichnosti v uslovijah globalizacii kul'tury : v 2 t. = Personality. Morals. Education: Problems of social and moral formation of the personality in conditions of culture globalization : in 2 v. [Tekst] / I. E. Bulatnikov. – Т. 1. – Kursk : ООО «Izdatel'skij dom VIP», 2017. – 392 с.

7. Bulatnikov, I. E. Pedagogicheskoe nasledie B. Z. Vul'fova v kontekste «modernizacii» sovremenogo rossijskogo obrazovanija: tradicii i uroki sistemnogo podhoda = B. Z. Vulfov's pedagogical heritage in the context of «modernization» of modern Russian education: traditions and lessons of system approach [Tekst] / I. E. Bulatnikov // Obrazovanie lichnosti. – 2012. – № 2. – S. 36-47.

8. Bulatnikov, I. E., Reprincev, A. V. Sistemnaja metodologija v kontekste poiska optimal'noj modeli reformirovanija rossijskogo obrazovanija = System methodology in the context of searching optimum model of Russian education reforming. [Tekst] / I. E. Bulatnikov,

A. V. Reprincev // Psihologo-pedagogicheskij poisk. – 2012. – № 22. – S. 19-34.

9. Bulgakov, S. N. Pravoslavie i hozjajstvennaja zhizn' = Orthodoxy and economic life [Tekst] / S. N. Bulgakov // Pravoslavie. Orthodoxy – Har'kov: Folio, 2001.

10. Veber, M. Protestantskaja jetika i duh kapitalizma = Protestant ethics and spirit of capitalism [Tekst] / M. Veber // Izbrannye proizvedenija = Selected works – М. : Progress, 1990.

11. Vygotskij, L. S. Istorija razvitija vysshih psihicheskikh funkcij = History of development of the highest mental functions [Tekst] / L. S. Vygotskij // Sobr. soch. : v 6 t. Collected works.: in 6 v. – Т. 3. – М., 1983.

12. Darenskaja, V. N. Pravoslavnyj trudovoj jetos v russkoj krest'janskoj kul'ture = The Orthodox Christian labor ethos in the Russian country culture [Tekst] / V. N. Darenskaja // Vestnik slavjanskih kul'tur. Bulletin of Slavic cultures – 2014. – № 3 (33). – S. 68-76.

13. Zarubina, N. N. Den'gi i kul'tura bogatstva: perspektivy social'noj otvetstvennosti biznesa v uslovijah globalizacii = Money and culture of wealth: prospects of social responsibility of business in the conditions of globalization [Tekst] / N. N. Zarubina // Sociologicheskie issledovanija. – 2008. – № 10. – С. 13-23.

14. Zarubina, N. N. Kul'tura bogatstva v diskurse neravenstva: osobennosti v sovremennoj Rossii = The culture of wealth in inequality discourse: features in modern Russia [Tekst] / N. N. Zarubina // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 2012. – № 6. – S. 62-72.

15. Zarubina, N. N. Prokljatoe blago = Damned benefit [Tekst] / N. N. Zarubina // Otechestvennye zapiski. – 2003. – № 3 (12).

16. Iordanskij, N. N. Osnovy social'nogo vospitaniya v narodnoj shkole = Bases of social education at national school [Tekst] / N. N. Iordanskij. – М., 1919.

17. Kavelin, K. D. Nash umstvennyj stroj: Stat'i po filosofii russkoj istorii, kul'tury = Our intellectual system: Articles on philosophy of Russian history, culture [Tekst] / K. D. Kavelin. – М. : Pravda, 1989.

18. Karamzin, N. M. Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenijah = Note about ancient and new Russia in its political and civil relations [Elektronnyj resurs] / N. M. Karamzin. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/karamzin.htm>

19. Kljuchevskij, V. O. Soch. : v 8 tomah = Compositions : in 8 volumes [Tekst] / V. O. Kljuchevskij. – Т. I. – М., 1956.

20. Korol'kov, A. A. Pedagogicheskaja antropologija K. D. Ushinskogo v sud'bah nacional'noj strategii vospitaniya = Pedagogical anthropology of K. D. Ushinsky in the fate of national strategy of education [Tekst] / A. A. Korol'kov // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii = Bulletin of the Russian Christian humanitarian academy – 2016. – Tom 17. – Vypusk 3. – С. 346-350.

21. Lotman, Ju. M. Kul'tura i vzryv = Culture and explosion [Tekst] / Ju. M. Lotman. – М., 1992.

22. Marks, K., Jengel's F. Nemeckaja ideologija = German ideology // Sochinenija. Compositions – Izd. 2-e. – T. 3. – M.: IPL, 1955.
23. Mironov, B. N. Otnoshenie k trudu v dorevoljucionnoj Rossii = The relation to work in pre-revolutionary Russia [Tekst] / B. N. Mironov // Sociologicheskie issledovanija. – 2001. – № 10. – S. 99-108.
24. Mironov, B. N. Trudovaja jetika krest'jan v dorevoljucionnoj Rossii = Labor ethics of peasants in pre-revolutionary Russia [Elektronnyj resurs] / B. N. Mironov. – URL: <http://xn--80aa2bkafhg.xn--p1ai/30047/Trudovaya-etika-krestyan-v-dorevoljutsionnoj-Rossii>
25. Okol'skaja, L. A. Rossijskaja formula truda: istoričeskij jekskurs = Russian formula of work: historical digression [Tekst] / L. A. Okol'skaja // Chelovek. – 2006. – № 4. – S. 16-30.
26. Reprincev, A. V. Razvitie teorii social'no-nravstvennogo vospitanija molodezhi v issledovanijah I. E. Bulatnikova = Development of the theory of social and moral education of youth in I. E. Bulatnikov's researches [Elektronnyj resurs] / A. V. Reprincev // Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. Online scientific magazine of Kursk state university. – 2018. – № 2 (46). – S. 143-167.
27. Rozhkov, M. I. Praktika social'nogo vospitanija: osnovnye tendencii razvitiya = Practice of social education: top trends of development [Tekst] / M. I. Rozhkov // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik = Jaroslavl pedagogical bulletin – 2017. – № 6. – S. 13-18.
28. Rozhkov, M. I. Svoboda i vospitanie = Freedom and education [Tekst] / M. I. Rozhkov // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik = Jaroslavl pedagogical bulletin – 2016. – № 4. – S. 8-12.
29. Rozin, V. M. Prostranstvo zhizni i seksa sovremenno marginala = Space of life and sex of the modern outcast [Elektronnyj resurs] / V. M. Rozin // Psiholog. – 2013. – № 2. – S. 1-105. – URL: http://enotabene.ru/psp/article_400.html
30. Rozin, V. M. Rossijskij marginal kak tochka bifurkacii = Russian outcast as a bifurcation point [Tekst] / V. M. Rozin // Filosofskie nauki. – 2009. – № 5. – S. 61-72.
31. Romm, T. A. Social'noe vospitanie: tradicija otechestvennoj pedagogiki = Social education: tradition of national pedagogics [Tekst] / T. A. Romm // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie. Bulletin of Tomsk state university. Culturology and art criticism. – 2013. – № 4 (12). – S. 246-250.
32. Romm, T. A. Stanovlenie i razvitie interpretativnogo obraza social'nogo vospitanija v otechestvennoj pedagogike = Formation and development of the interpretive image of social education in domestic pedagogics [Tekst] / T. A. Romm // Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta = IV: Pedagogika. Psihologija. Bulletin of Orthodox Sacred and Tykhonov humanitarian university IV: Pedagogics. Psychology. – 2014. – Vyp. 4 (35). – S. 32-43.
33. Svoboda. Neravenstvo. Bratstvo: Sociologičeskij portret sovremennoj Rossii = Freedom. Inequality. Brotherhood: Sociological portrait of modern Russia [Tekst] / pod obshh. red. M. K. Gorshkova. – M.: IIK «Rossijskaja gazeta», 2007.
34. Solov'ev, V. S. Opravdanie dobra = Justification of good [Tekst] / V. S. Solov'ev / otv. red. O. A. Platonov. – M.: Institut russkoj civilizacii, Algoritm, 2012. – 656 s.
35. Tihomirova, A. V. «Lapotno-krasnoj patriotizm» i «Rus' poskonnaja»: k voprosu o russkikh nacional'nyh predmetnyh simbolah «Lapot-krasnoj patriotizm» and «hempen Russia»: to a question of the Russian national subject symbols [Tekst] / A. V. Tihomirova // Antropologičeskij forum. – 2013. – № 18. – S. 334-342.
36. Trudovaja jetika staroobryadčestva i modernizacija Rossii v XIX i HH vv. = Labor ethics of Old Belief and modernization of Russia in the XIX and XX centuries. [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.russ.ru/pole/Trudovaya-etika-starobryadčestva-i-modernizacija-Rossii-v-XIX-i-HH-vv>
37. Ushinskij, K. D. Pedagogičeskaja antropologija. Chelovek kak predmet vospitanija. Opyt pedagogičeskoj antropologii = Pedagogical anthropology. Person as education subject. Experience of pedagogical anthropology [Tekst] / K. D. Ushinskij. – T. 2. – M.: Izd-vo URAO, 2002.
38. Ushinskij, K. D. Trud v ego psihicheskom i vospitatel'nom znachenii = Work in its mental and educational value [Tekst] / K. D. Ushinskij // Sobr. soch. – T. II. Collection of works – V. II – M. – L.: Izd-vo APN RSFSR, 1948.
39. Filosofskaja antropologija. Chelovek mnogomernyj = Philosophical anthropology. Multidimensional person [Tekst] / red.: S. A. Lebedev. – M.: JuNI-TI-DANA, 2015. – 352 s.